

Политический суфизм в современном Пакистане: основные аспекты

© Филимонова А.Л.^{a,c}, Мелехина Н.В.^{b,d}, 2025

^a МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^b МГИМО(У) МИД России, Москва, Россия

^c ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

^d ORCID: 0000-0003-0099-9099; n.melekhina@my.mgimo.ru

Резюме. В статье обосновывается самобытность политического суфизма в Пакистане и его несоответствие общим характеристикам политического ислама (исламизма). Нами было выделено два аспекта пакистанского политического суфизма: концептуальный, предполагающий задействие в политике суфийских взглядов и идей, и персоналистский как механизм прямого или косвенного участия суфийских авторитетов в политической жизни.

Ни один из этих двух аспектов не подпадает под определение политического ислама. В первом случае использование суфийской риторики в политической сфере не сопровождается религиозной повесткой и постановкой исламистских задач – акцент делается на культурной составляющей суфизма, веротерпимости и миролюбию как его основных ценностях. Что касается второго случая, то участие суфийских *пиров*¹ в политике и политиков «извне» в суфийских ритуалах происходит в отсутствие религиозных лозунгов; ни те, ни другие не ставят задачу распространения суфизма и не настаивают на переформатировании общества сообразно суфийским ценностям. Можно говорить о подспудном использовании *пирами* религиозного авторитета в политике и привлечении суфийского «банка голосов» социальной элитой в целях укрепления своего статуса.

При этом в обоих своих проявлениях политический суфизм является неотъемлемой частью общепакистанской политической жизни: его позиции прочны, поскольку он органично вписывается в местные социальные реалии.

Ключевые слова: ислам, Пакистан, политический суфизм

Для цитирования: Филимонова А.Л., Мелехина Н.В. Политический суфизм в современном Пакистане: основные аспекты. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–40. DOI: 10.31857/S0321507525010045

Political Sufism in Contemporary Pakistan: The Key Aspects

© Alina L. Filimonova^{a,c}, Natalia V. Melekhina^{b,d}, 2025

^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^b MGIMO University, Moscow, Russia

^c ORCID: 0000-0001-5982-9612; alina.filimonova@mail.ru

^d ORCID: 0000-0003-0099-9099; n.melekhina@my.mgimo.ru

Abstract. The article explains the uniqueness of political Sufism in Pakistan and its incongruence with the general characteristics of political Islam (Islamism). Two aspects of Pakistani political Sufism have been established: the conceptual one that suggests the incorporation of Sufi views and ideas into politics, and the personalistic one that is embodied in the mechanism of direct (as well as indirect) participation of authoritative Sufi figures in political life.

Neither of these aspects falls within the definition of political Islam. In the first case, the use of Sufi rhetoric in the political sphere is not accompanied by the religious agenda, nor by the setting of Islamist goals – rather, the stress is laid on the cultural component of Sufism, its religious tolerance and peaceful nature as the keystones of Islamic identity. In the second case, the involvement of Sufi *pirs* in politics and of the politicians “from the outside” in Sufi ceremonies is not accompanied by religious slogans; neither side sets the goal of spreading Sufism or makes pleas for the reformation of society in accordance with Islamic values. Simultaneously, one can safely speak about the covert implementation of religious authority in politics by *pirs* and about the engagement of Sufi “vote bank” by social elites in order to sustain their positions.

Still, in both of its aspects, political Sufism represents an integral part of Pakistan’s political life: its positions are strong, even more so that it is organically embedded into the very fabric of society.

Keywords: Islam, Pakistan, political Sufism

¹ *Пир* – в суфийской традиции индивид, который достиг особых высот на пути божественного познания и в силу этого обрел моральное право заниматься духовным наставничеством (*прим. авт.*).

For citation: Filimonova A.L., Melekhina N.V. Political Sufism in Contemporary Pakistan: The Key Aspects. *Asia and Africa today*. 2025. № 1. Pp. 33–40. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507525010045

ВВЕДЕНИЕ

Суфизм² является органичной частью пакистанской культуры и общественно-политической жизни. В распоряжении исследователей нет достоверных данных о точном количестве последователей суфизма в Пакистане: поскольку духовные практики весьма разнообразны, не существует четкого набора принципов и норм поведения, соблюдение которых делает человека суфием.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУФИЗМ И ИСЛАМИЗМ: СИНОНИМЫ ИЛИ АНТИТЕЗА?

Если использовать в качестве критерия участие в *урсах*³, то с этой целью *даргахи*⁴ посещают 32% мужчин и 15% женщин, в основном жители провинций Панджаб и Синд⁵. Данные провинции – экономические и политические флагманы Пакистана, вследствие чего наблюдающиеся там явления экстраполируются на федеральный уровень, становясь трендом общепакистанской политики. Суфизм в этом плане не стал исключением. Суфийский дискурс в Панджабе и Синде наполняет политическую сферу и формирует политическое сознание местных жителей. Следствием этого стало складывание сначала в провинциальном, а потом и в федеральном масштабе такого феномена, как политический суфизм.

Политический суфизм – уникальное явление. В Южной Азии на данный момент он оформился только в Пакистане (хотя предпосылки наблюдаются также в Индии, например, в штатах Андхра-Прадеш, Западная Бенгалия и Телангана). Понятие «политический суфизм» стало активно использоваться южноазиатскими исследователями в XXI в. (хотя обозначаемые им явления уходят корнями в доколониальный период). В широком смысле под ним понимают использование суфийской риторики в политической сфере, а также участие суфийских *пиров* в политике и политиков «со стороны» в суфийских церемониях.

Резонным представляется вопрос – можно ли рассматривать политический суфизм как частный случай политического ислама (исламизма)? В южноазиатской историографии прослеживается четкое противопоставление политического суфизма всем формам исламизма (имеются в виду как *салафизм*⁶, так и «ислам улемов»⁷). Пакистанские исследователи при этом зачастую воспринимают исламизм как осознанную государственную политику пакистанских властей, направленную на силовое подавление любого инакомыслия, – как религиозного, так и политического. Суфизм в этом случае предстает в качестве антагониста «спонсируемой государством идеологии джихадизма» [1].

Пакистанский антрополог Р.Вассан характеризует политический суфизм апофатически – как противодействие суфиев «идеологии исламизации и религиозной идентичности пакистанского государства» [2, pp. 859–861] и отстаивание «вдохновленного суфизмом политического дискурса», призванного нейтрализовать «коммуналистские установки боевого политического ислама» [2, p. 850].

Наряду с этим Р.Вассан отмечает, что политический суфизм имеет важную социальную специфику, поскольку предполагает продвижение «наследственной *сайид*-ориентированной кастовой структуры»⁸ [2, p. 865].

² Суфизм – общий термин, обозначающий разнообразные аспекты исламской мистической традиции и функционирующие в ее русле институты.

³ *Урс* – годовщина смерти *пира*.

⁴ *Даргах* – в узком смысле – гробница над могилой *пира*. Однако в настоящее время многие даргахи разрослись до целых комплексов, включающих в себя постройки для религиозных собраний и общественных мероприятий, а также жилые помещения (для служителей и паломников).

⁵ Opinion Poll. Social Behavior. Religious Practices in Pakistan (Part 2). Gallup. https://gallup.com.pk/bb_old_site/Polls/210512.pdf (accessed 16.08.2024)

⁶ *Салафизм* – общий термин для обозначения всех фундаменталистских течений в исламе.

⁷ «Ислам улемов» – совокупность канонических норм ислама в трактовке одной из общепризнанных богословско-правовых школ (*мазхабов*).

⁸ *Сайиды* – одна из подкатегорий *ашрафийи* (элитарной социальной группы, охватывающей тех мусульман, чьи предки прибыли на Индостан уже будучи обращенными в ислам). *Сайиды* возводят свое происхождение к пророку Мухаммаду, что дает им привилегированный статус верхушки *ашрафийи*.

Схожих взглядов придерживается пакистанский антрополог и историк Г.Хуссейн: указывая на то, что большинство суфийских авторитетов являются *сайидами*; он вводит термин «*сайидизм*»⁹ и предлагает рассматривать политический суфизм как «союз феодалов и *пиров* в политике патронирования» местного населения [3, р. 718]. Таким образом подчеркивается, что, помимо этнонационалистической плоскости, политический суфизм имеет также социальную (соответственно, в дополнение к центробежной повестке – еще и внутрорегиональную).

По мнению Г.Хуссейна, суфийский, синдхско-националистический и индульский нарративы в Синде сплелись воедино, создав политический суфизм, который утверждает превосходство традиционной социальной элиты (изначально индулько-мусульманской – состоящей из *аишафийя* и высококастовых индулов; после 1947 г. – только из *аишафийя*) [3, р. 717]. Современный политический суфизм поощряет всестороннее доминирование *аишафийя*, в особенности *сайидов*, создавая вокруг них ауру политической сакральности [3, р. 717].

Одновременно Г.Хуссейн считает политический суфизм частным случаем синдхского национализма и в этом значении противопоставляет его политическому исламу как национализму пакистанскому¹⁰. Таким образом, Г.Хуссейн делает акцент на сугубо синдхской природе политического суфизма, в противовес универсалистской основе политического ислама.

Индийский исследователь Ч.К.Файсал также указывает на возможность двойственного определения политического суфизма: в первом случае это стратегия противопоставления суфизма *салафизму* в попытке сдерживать деструктивную активность исламистов; во втором – обоснование наличия и отстаивание самобытной синдхской идентичности, в основе которой лежит суфийская культура [4]. И если политический суфизм в первом значении представляет выгоду для государства и задействуется пакистанскими властями ради собственных идеологических нужд, то во втором значении он несет прямую угрозу пакистанской национальной идентичности.

Очевидно, что политический суфизм в Пакистане не является политическим исламом в общепринятом смысле этого термина.

ПАКИСТАНСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУФИЗМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ И ПЕРСОНАЛИСТСКИЙ

Разграничив, таким образом, исламизм и политический суфизм, применительно к Пакистану можно выделить два аспекта последнего, обозначенные нами как концептуальный и персоналистский.

Содержанием концептуального аспекта является внедрение суфийских принципов в жизнь государства и распространение их на все общество. Реализуется данный аспект избирательно и ограниченно – только под знаменем противодействия пакистанских властей исламскому экстремизму или борьбы синдхских националистов за расширение автономии.

Первый дискурс – постулирование миролюбивости ислама и его всемерной веротерпимости – широко используется правительственными органами для создания «презентационного» имиджа пакистанского ислама. Хотя оппозиция традиционно (и часто не без оснований) обвиняет правящие режимы в заигрывании с исламским радикализмом, заинтересованность в диалоге с Западом толкает руководство страны на использование суфизма в качестве «компромисса между религиозным экстремизмом и откровенным секуляризмом» [5]. Суфизм в этом контексте постулируется как исламский аналог либерализма, а приверженность ему преподносится как имманентное принятие Пакистаном западных ценностей.

Данный образ преимущественно идет «на экспорт», для европейской и американской аудитории. Неслучайно активнее всего тенденция наметилась при президенте и военном администраторе Первезе Мушаррафе (1999–2008), после терактов в США 11 сентября 2001 г. В избранном П.Мушаррафом курсе на «просвещенную умеренность», который был широко поддержан американскими властями, суфизму отводилась ключевая роль идеологического антидота исламскому радикализму. Этот подход, по сути сводившийся к антитезе «хороший суфий – плохой *салафит*» был призван доказать, что экстремизм

⁹ *Сайидизм* – разновидность кастеизма, почитание *сайидов* на основании их реального или вымышленного происхождения от пророка Мухаммада. В контексте политического суфизма *сайиды* характеризуются как «политическая каста-гегемон, прикрываемая суфийской культурой *пиров* и *даргахов*» [3, pp. 718, 737].

¹⁰ Вводя понятие «синдхский суфийский национализм», Г.Хуссейн трактует суфизм как исконно синдхскую культуру и одновременно – как символ индулько-мусульманского (получается, синдхского) единства в пику идеологии Пакистана [3, pp. 736–738].

чужд южноазиатской исламской культуре и является для региона новым явлением, импортированным с Ближнего Востока [6].

Примером последовательного ангажирования суфийских концепций во благо государственной идеологии является функционирование «Национального совета по продвижению суфизма»: сформированный П.Мушаррафом в 2006 г. для популяризации суфийской культуры, он благополучно продолжил функционировать после смены режима и перехода Пакистана к гражданскому правлению в 2008 г.¹¹

В дальнейшем на вооружение в государственной политике были взяты и другие характерные для суфизма представления. Так, президент Асиф Али Зардари указывал, что суфизм не требует от своих адептов использовать религию в качестве политической идеологии¹², а для премьер-министра Имрана Хана суфизм, в числе прочего, символизировал «совместимость ислама с наукой»¹³.

Второй дискурс концептуального политического суфизма сводится к обоснованию правомерности «*Синдху деш*»¹⁴ как территории, этнокультурная самобытность которой предопределила религиозную. Основоположник этого дискурса – Гулам Мухаммад Сайед, сам происходивший из семьи *пиров*, – считал суфийское мировоззрение эксклюзивно синдхским явлением.

Противостояние государству в его попытке монополизировать суфизм и продвижение этнорегиональной повестки под знаменем культурной самобытности до сих пор являются неотъемлемыми элементами синдхского национализма – местные партии позиционируют себя как защитников «суфийской культуры Синда» от нападков со стороны пакистанского федерального правительства [8, р. 221].

Необходимо подчеркнуть, что концептуальный политический суфизм в обеих своих ипостасях не ставит исламистских задач и не пропагандирует тотальное претворение в жизнь суфийских религиозных принципов. Речь ведется об искоренении исламского радикализма (в первом случае) или же купировании федерального авторитаризма (во втором случае), т.е. о «пропаганде против». Привнесение в политику суфийских доктрин не является самоцелью: они используются как вспомогательные, для того, чтобы поддержать иные концепции, изначально мыслящиеся как основа политического дискурса.

Столь же далек от исламизма и персоналистский аспект политического суфизма: он охватывает участие суфийской элиты в политике, использование *пирами*¹⁵ своего влияния ради обретения политической власти (в целях расширения собственных возможностей – как для личного обогащения, так и для помощи другим).

Персоналистский политический суфизм в Пакистане привязан к племенным и семейно-клановым статусам: зачастую он рассматривается в контексте вышеописанной «*сайид*-ориентированной наследственной кастовой структуры» [2, р. 865]. Исследователи обращают внимание, что подавляющее большинство *пиров* являются *сайидами*¹⁶, и расценивают их продвижение в политику как частный случай *сайидизма* и *аирафизации* пакистанской политической сферы.

Сайидизм, несомненно, значительно облегчил *пирам* и членам их семей выход в большую политику (что в настоящее время стало широко распространенным явлением¹⁷). Представляется, однако, что определяющим фактором в этом процессе стало доминирование суфийских авторитетов в сложной социальной иерархии, известной в Панджабе и Синде как система *бирадари*¹⁸.

¹¹ В 2009 г. этот орган был преобразован в «Суфийский консультативный совет», однако его задачи и образ действий не изменились.

¹² Sufi Teachings Can Counter Extremism: Zardari. Dawn. 2010. March 16. <https://www.dawn.com/news/890596/sufi-teachings-can-counter-extremism-zardari> (accessed 13.08.2024)

¹³ 5 мая 2019 г. Имран Хан открыл в Панджабе (г. Сокхава) университет аль-Кадир – первый суфийский университет Пакистана [1].

¹⁴ *Синдху деш* (синдх. «страна синдхов») – гипотетическое моноэтническое государство синдхов, создания которого добиваются радикальные синдхские националисты [7]. Г.Хуссейн предлагает рассматривать требование «*Синдху деш*» как квинтэссенцию политического суфизма [3, р. 736].

¹⁵ Зонтичный термин «*пир*» в Пакистане охватывает 3 категории: *пиры*-основатели, вокруг *даргахов* которых вырастает культ; *пиры* – настоятели *даргахов* (*сатджда-нашины*, они же *гадди-нашины* или *макхдумы*); *пиры*, не привязанные к конкретному *даргаху* и зачастую ведущие бродячий образ жизни (*факиры*, *каландары*). Две последние категории – «живущие» *пиры* – представляют первостепенный интерес в рамках нашего исследования.

¹⁶ К *сайидам* принадлежат, в частности, подробно рассматриваемые в статье кланы Гилани, Курейши, Пагаро, Сиалви и Чишти.

¹⁷ По данным 2017–2022 гг., *пиры* и члены их семейств составляли менее 1% населения Пакистана; при этом их доля среди депутатов парламента (Национальной ассамблеи и Сената) варьировалась от 11% до 16% [9; 10].

¹⁸ *Бирадари* (перс. «братство») – социально-экономическая структурная единица пакистанской деревни, группа семей, ведущих свое происхождение от общего предка. Для членов *бирадари* характерна наследуемость определенного рода деятельности, статуса и обязательств.

Большинство *пиров* являются выходцами из землевладельческих *бирадари* (составляющих традиционную элиту и главенствующих над остальными). Более того, практически все неземлевладельческие *бирадари* имеют традицию почитания *пира*, которому приписывается заслуга по обращению этого *бирадари* в ислам. Соответственно, *бирадари* оказывается духовно и политически привязано к конкретному *пиру*, его *даргаху* и *сатдждада-нашинам*¹⁹. Во многих случаях *сатдждада-нашины* совмещают функции духовных лидеров *бирадари* и крупных землевладельцев (*заминдаров*): собираемый ими с местного населения земельный налог одновременно является религиозным пожертвованием²⁰. Действие вопреки воле текущего *сатдждада-нашина* воспринимается как акт, направленный против *бирадари*.

Вследствие этого предпочтения избирателей на выборах предопределяются их социальной принадлежностью и являются следствием воли *сатдждада-нашина*, «унаследовавшего» данное *бирадари* [11, pp. 54–55].

Интеграция в систему *бирадари* делает персоналистский политический суфизм динамичным, подпитываемым снизу массовым явлением. *Пир*ы создают собственные партии или примыкают к другим, приводя за собой свой верный «банк голосов» (связанный с ними «наследственным *мюриди*»).

В политическом участии *пиров* можно проследить общие принципы. Прежде всего, хотя «во власть» могут идти все члены клана, наибольшим политическим капиталом обладают *пир*ы – *сатдждада-нашины* (т.е. настоятели *даргахов*).

Среди них, в частности, Сибгхатулла Шах Рашди III – 8-й *пир* Пагаро, имеющий значительное влияние в северном Синде и в силу своего статуса являющийся хранителем *даргах* Роз-и Дхани²¹.

Большим авторитетом обладает также клан Гилани, курирующий ряд *даргахов* в Панджабе и столичной территории Исламабад, в т.ч. *даргах* в г. Голра-Шариф, – один из самых популярных в Пакистане²². Самый видный представитель семейства в политике – Юсуф Реза Гилани – выполняет функции координатора и распорядителя сети *даргахов* Гилани в области Мултан (южный Панджаб). Религиозный авторитет весьма способствовал его политической карьере: Ю.Р.Гилани был премьер-министром Пакистана (2008–2012), а с апреля 2024 г. является председателем Сената. Стоит отметить, что Гилани поставили своеобразный рекорд: на август 2024 г. все здравствующие члены семьи по мужской линии являлись либо сенаторами, либо депутатами Национальной или провинциальной ассамблей [12].

Другой влиятельный суфийский клан – Курейши – осуществляет надзор над *даргахами пиров* Бахауддина Закарии и Шаха Руки-и Алама в г. Мултане. Политические амбиции семьи воплощает Шах Махмуд Курейши – *сатдждада-нашин* обоих вышеупомянутых святых²³. Ш.М.Курейши регулярно избирался в провинциальную ассамблею Панджаба и Национальную ассамблею, занимал разные посты сначала в провинциальном, а затем федеральном правительстве. Венцом его карьеры стала должность министра иностранных дел Пакистана, в 2008–2011 гг. и 2018–2022 гг.

Политические успехи суфийских династий характеризуются еще одной общей особенностью: *пир*ы в политике не действуют как согласованная сила. Они представляют разные партии (некоторые имеют свои); и хотя встречаются случаи, когда несколько кланов симпатизируют одной партии, подобные ситуации не приводят к союзам по религиозному принципу.

Так, 8-й *пир* Пагаро является президентом собственной партии «Пакистан муслим лиг (Ф)» (Пакистанская мусульманская лига (функциональная) – ПМЛ(Ф)) и лидером «Гранд демокретик эллайанс» (Великий демократический альянс – ГДА)²⁴. В обоих объединениях суфийский компонент является оп-

¹⁹ Трансцендентная связь с исконным *пиром*, проходящая через поколения внутри *бирадари*, получила название «наследственное *мюриди*». В современном Пакистане «наследственное *мюриди*» представляет важный политический ресурс и играет ключевую роль в поддержании власти *пиров*.

²⁰ Исследователи неоднократно указывали на парадоксальность этого аспекта пакистанского суфизма: сглаживая религиозные противоречия, он цементирует социальные. Исторически под влиянием суфизма общественное неравенство крепло, поскольку доминирование традиционной элиты получало духовное обоснование [3, p. 731–732].

²¹ Пагаро (синдх. «тюрбан вождя») – наследственный титул, который носит глава суфийского ордена *хуров*. Вотчина Пагаро – г. Пир Джо Готх в провинции Синд: там находится могила основателя ордена – Мухаммада Рашида Роз-и Дхани и его потомков.

²² Golra Sharif. Official website. <https://golrasharif.com.pk/> (accessed 17.07.2024)

²³ Статус *сатдждада-нашина* в *даргахе* Бахауддина Закарии оспаривает младший брат Ш.М.Курейши, однако в семье его претензии считают безосновательными [Shah Mahmood's Brother in Charge of Bahauddin Urs]. *Dawn*. 2023. August 24. <https://www.dawn.com/news/print/1771806> (accessed 28.08.2024)

²⁴ ГДА – коалиция синдских партий, созданная в 2017 г. как оппозиция партии «Пакистан пиплз парти» (Пакистанская народная партия – ППП).

ределяющим и представлен только сторонниками Пагаро; при этом их риторика не содержит религиозных призывов.

Юсуф Реза Гилани с 1988 г. действует в русле ППП. И хотя, помимо представителей его клана, членами данной партии являются и другие суфийские фамилии, в рамках ППП каждая из них преследует собственные интересы, не выдвигая общей религиозной повестки. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае с Ш.М.Курейши: с декабря 2011 г. он является вице-председателем партии «Пакистан тэхрик-и инсаф» (Пакистанское движение за справедливость – ПТИ), которая инкорпорировала в себя и других суфийских авторитетов²⁵. При этом суфийских коалиций внутри партии не возникает.

Обращает на себя внимание также и то, что пиры в политике часто варьируют свои предпочтения, меняя партии и союзников. В частности, Пагаро в рамках ГДА выступают против ППП и ПМЛ(Н)²⁶, что не помешало им в составе партии ПМЛ(Ф) в 2013 г. войти в правительство, сформированное лидером ПМЛ(Н) Навазом Шарифом. Ю.Р.Гилани с 1988 г. является членом ППП; однако начинал свой политический путь в ПМЛ(Н), и его отношения с данной партией не разорваны до конца: в 2024 г. Ю.Р.Гилани проголосовал за избрание нового лидера ПМЛ(Н) Шахбаза Шарифа на должность премьер-министра.

Столь же оппортунистское поведение характерно для семейства Курейши. В доколониальный период они попеременно поддерживали государство сикхов, Могольскую империю и британские колониальные власти. В Пакистане представители Курейши в разное время состояли более чем в 10 партиях, а также сотрудничали со всеми военными режимами [14, р. 1835]. Вышеупомянутый Ш.М.Курейши на протяжении своей карьеры успел побывать членом ПМЛ(Н) (1988–1993), ППП (1993–2011) и ПТИ (с 2011 г.).

При всей своей специфике персоналистский политический суфизм (в меньшей степени, чем концептуальный) представляет интерес для политиков «со стороны» и государства. Как чиновники, так и политики-несуфии публично посещают *даргахи* (особенно в преддверии выборов или по случаю праздников) и участвуют в проводимых там церемониях. В XXI в. подобное поведение стало нормой для власть имущих. Так, бывшие премьер-министры Пакистана Беназир Бхутто и Наваз Шариф в ходе предвыборных кампаний в 1990-е гг. регулярно обращались за благословением к *саттхаджада-нашину* в Голра-Шарифе [15]. Примечательно, что в дальнейшем визиты в *даргахи* стали для пакистанских представителей власти частью внешней политики: президенты Первез Мушарраф и Асиф Али Зардари, а также премьер-министр Раджа Первез Ашраф в разные годы неоднократно посещали *даргахи* Индии²⁷.

Подобные визиты, как правило, регламентированы определенным набором действий: посетитель возлагает к могиле *пира* цветочный венок или покрывало; в ответ *саттхаджада-нашин* проводит над именитым гостем ритуал *дастарбанди*²⁸ и читает *аль-Фатиху*²⁹. Данные действия, несомненно, являются проявлением персоналистского политического суфизма: в основе происходящего лежит интеракция с *пирами*, успех которой зависит от влияния последних и их открытости для диалога.

Важным инструментом мобилизации авторитета *пиров* в интересах государства является также назначение суфиев на административные должности – как связанные с религией, так и светские. Обращает на себя внимание, в частности, то обстоятельство, что по данным на 2024 г. главы ключевых провинциальных департаментов *вакфов* принадлежат к семьям *пиров*³⁰.

²⁵ Подробнее см. [13, с. 35–36].

²⁶ «Пакистан муслим лиг (Н)» (Пакистанская мусульманская лига (Наваза) – ПМЛ(Н)).

²⁷ Why Pak PM Ashraf's Ajmer Visit Is Being Needlessly Politicized. *First Point*. 2013. March 09. <https://firstpost.com/world/why-pak-pm-ashrafs-ajmer-visit-is-being-needlessly-politicised-653918.html> (accessed 21.08.2024)

²⁸ *Дастарбанди* (перс. «повязывание тюрбана») – церемония, проводимая наставником над своим подопечным. Существует как в исламе, так и в сикхизме. В строгом смысле слова является обрядом инициации во взрослую жизнь, однако в суфийской традиции проводится также при переходе адепта на более высокий духовный уровень или в качестве благословения.

²⁹ *Аль-Фатиха* – первая сура Корана, повторяемая мусульманами во время молитв или в качестве доброго пожелания. *Пир*ы используют *аль-Фатиху* в рамках ритуала благословения посетителей *даргаха*; при этом особо почетные высокопоставленные гости получают привилегии в виде индивидуального напутствия от *пира* в ходе прямого общения.

³⁰ Auqaf and Religious Affairs Department (Khyber-Pakhtunkhwa). <https://www.pakp.gov.pk/departments/auqaf/> (accessed 21.08.2024); Auqaf and Religious Affairs Department (Punjab). <https://auqaf.punjab.gov.pk/core-team#:~:text=Tahir%20Raza%20Bukhari%20is%20serving,Religious%20Affairs%20Department%20in%201998> (accessed 21.08.2024); Provincial Assembly of Sindh. http://pas.gov.pk/index.php/members/govt_n_opp/en (accessed 21.08.2024)

Кроме того, суфии доминируют в бюрократической системе Панджаба и Синда, контролируя провинциальный бюджет. Заполнение местного административного аппарата лояльными правительству суфиями выгодно для обеих сторон, поскольку обеспечивает «обмен политическими товарами»: официальное признание усиливает посредническую роль конкретного *пира*, который использует свое положение в том числе для поддержания порядка в подотчетном ему районе [14, pp. 1837–1838].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в статье процессы позволяют сделать вывод, что ни концептуальный, ни персоналистский политический суфизм не соответствуют критериям политического ислама. Это не мешает им быть широко востребованными в обществе как сверху, так и снизу.

Многовековая наследственная связь населения с *пирами* в рамках системы *бирадари* и соответствие суфизма традиционной парадигме социальных отношений, основанной на *сайидизме*, обусловили прочные позиции «культуры *даргахов*» в наиболее развитых регионах Пакистана. Массовая популярность суфизма, в свою очередь, подогревает стремление политиков самого широкого спектра использовать суфийский дискурс в своих интересах, а государство – назначать суфиев на самые разные должности.

Вследствие этого роль суфизма в пакистанской политике стабильно велика, а его влияние многопланово.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Khan N. PM Khan Inaugurates Sufi University to Produce “Wise Leaders”. *Arab News*. 2019. May 05. <https://www.arabnews.com/node/1493001/amp> (accessed 23.07.2024)
2. Wassan R. Progressive Secular Sindhi Sufism in the Making of Decolonial Islamic Thinking in Pakistan. *The Ecumenical Review*. 2021. Vol. 73, № 5, pp. 849–866. DOI: 10.1111/erev.12665
3. Hussain G. Understanding Hegemony of Caste in Political Islam and Sufism in Sindh, Pakistan. *Journal of Asian and African Studies*. 2019. Vol. 54, № 5, pp. 716–745. DOI: 10.1177/0021909619839430
4. Faisal Ch.K. The Rise of Political Sufism Poses a Threat to Liberal Politics in Both India and Pakistan. *Scroll*. 2021. May 15. <https://scroll.in/article/993901/the-rise-of-political-sufism-poses-a-threat-to-liberal-politics-in-both-india-and-pakistan> (accessed 06.07.2024)
5. Kumar U. Why Pakistan Is So Keen to Prop up ‘Pop Sufism’. *Sunday Guardian Live*. 2020. February 22. <https://sundayguardianlive.com/culture/pakistan-keen-prop-pop-sufism> (accessed 25.07.2024)
6. Ceglia C. Good Sufi, Bad Salafi: Is Pakistan’s Romance with Sufism Backfiring? *Jamhooor*. 2018. November 29. <https://www.jamhooor.org/read/2018/11/14/good-sufi-bad-salafi-pakistans-romance-with-sufism-backfiring> (accessed 28.08.2024)
7. Sayed G.M. Sindhudesh: A Study in Its Separate Identity through the Ages. *Work & Life of G.M. Syed*. <http://www.gmsyed.org/sindhudesh/Sindhu%20Jii%20Sanjah%20-%20GM%20Syed.pdf> (accessed 25.08.2024)
8. Levesque J. 2016. Sindhis Are Sufi by Nature: Sufism as a Marker of Identity in Sindh. *Islam, Sufism and Everyday Politics of Belonging in South Asia*. Eds. D.Dandekar, T.Tschacher. London: Routledge. Pp. 212–227.
9. Gorchani F. The Politics of Gaddi Nasheens Still Going Strong in Pakistan. *Republic Policy*. 2022. December 12. <https://republicpolicy.com/the-politics-of-gaddi-nasheens-still-going-strong-in-pakistan/> (accessed 25.08.2024)
10. Warraich S. Between Pirs and Politicians. *The News*. 2017. December 24. <https://www.thenews.com.pk/tns/detail/564614-pirs-politicians-2> (accessed 25.08.2024)
11. Iqbal Q. 2022. Political Economy of Sufi Shrines in Pakistan: A Case Study of Sial Sharif. Islamabad: Pakistan Institute of Development Economics.
12. Yasin A. Unique Political and Parliamentary Record of Gilanis of Multan. *The News*. 2024. May 20. <https://thenews.com.pk/print/1191105-unique-political-and-parliamentary-record-of-gilanis-of-multan> (accessed 23.08.2024)
13. Филимонова А.Л. Успех партии ПТИ на выборах: социально-политический аспект. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 7. С. 32–38. DOI: 10.31857/S032150750005566-4
Filimonova A.L. 2019. PTI Election Success in Pakistan: Socio-Political Aspect. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 32–38. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750005566-4
14. Malik A., Malik T. 2017/ Pirs and Politics in Punjab, 1937–2013. *Modern Asian Studies*. Vol. 51, № 6, pp. 1818–1861. DOI: 10.1017/S0026749X16000949

15. Arshad O. The Nexus of Sufi Saints and Politicians in Pakistan. *New Lines Magazine*. 2023. October 13. <https://new-linesmag.com/essays/the-nexus-of-sufi-saints-and-politicians-in-pakistan/> (accessed 04.08.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Филимонова Алина Леоновна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Alina L. Filimonova, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Мелехина Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры индоиранских и африканских языков МГИМО (университет), Москва, Россия.

Natalia V. Melekhina, PhD (History), Associate Professor, Department of Indian, Iranian and African Languages, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 09.09.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.11.2024

Принята к публикации
(Accepted) 14.12.2024